

ЗАРИНА СУДОРИНА

ЖЕРТВА ДЛЯ ЛОКИ

Зарина Судорина
Жертва для Локи

«Издательские решения»

Судорина З.

Жертва для Локи / З. Судорина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937692-3

Большинство прочитавших рукопись, заявили, что это любовный роман. Кто-то сказал, что это «чернуха». Кто-то — что это чтиво о диссидентах. Чем оказался на самом деле роман — судить вам... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-937692-3

© Судорина З.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Мешок раскачивался на ветру	6
Часть 1. Человек без рта	7
Глава 1. Начало. Мартовская жара	7
Глава 2. Ошские и дордойские	10
Глава 3. Мама, стринги – наше всё!	13
Глава 4. Белая поварская шапка	17
Глава 5. Шаг, шанс и случайные связи	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жертва для Локи

Зарина Судорина

© Зарина Судорина, 2018

ISBN 978-5-4493-7692-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Коль ты отчаялся
цели достичь —
вспомни о Локи.
Может помочь он,
но ты не скупись —
будь благодарным.*

*Если ж забудешь
долю отдать
сыну Фарбути¹ —
сам он придет
и возьмет, не спросив —
это жертва для Локи.*

Дмитрий Аринин

Мешок раскачивался на ветру

В шесть утра солнце припекало, воздух был плотным и сладким, каким бывает поздней весной после рассвета в этой стране с жарким климатом. Свет ослепил Мурену, повара детского приюта, а тем временем мешок продолжал раскачиваться на ветру. Длинным был мешок, и, не прикрыв глаза от света, невозможно было понять, что в нем.

Сквозь тонкую ткань Мурена ощутила деревянное, холодное. Пальцы поползли выше, и она нащупала в мешке пальцы и пятку. Тогда забилась, заголосила...

Тычков, следователь по особо тяжким преступлениям, завернул на задний двор сиротского приюта. Натуральное хозяйство гоготало, хрюкало, шипело и кудахтало. Тычков осмотрел тополь, деревянную сову, крепко приделанную к дереву каким-нибудь старательным воспитанником. Тело, снятое несколько часов назад, было подвешено к жердочке совы.

Тычков набрал номер на телефоне.

– Мелис Исенович, эт я. Выяснил: он все же был участником Адской резни... Два раза брали вместе с толпой. Не организатор – участник, бандитские нападения на мирных граждан... Да, и еще – директор сказала, работала у них года два назад менеджер по развитию – Варвара Спира. Уволилась по собственному год назад. Какая связь с делом – выясняю. Да, приеду – завезу документы на износ². До связи.

Какая связь?

Какая связь между менеджером детского центра и аутичным выпускником детдома, участвовавшим в организованном мятеже? И почему серые листы, адресованные этой Варваре, были зашиты в потайной карман куртки повешенного?

Будем выяснять.

¹ Фарбути, или Фарбаути – великан, персонаж скандинавской мифологии.

² изнасилование (жарг.).

Часть 1. Человек без рта

Глава 1. Начало. Мартовская жара

Девятого марта ехала с похмелья в автобусе, который вез меня на работу. Мучили дневные кошмары.

Было тоскливо и убого. Уже не было снега. Уже не было любви. Только дрожливое ожидание грядущего в провальном безвременье. Будущее представлялось черной дырой, и непроглядно было, и муторно от грязи, в которой рождался город и моя жизнь.

Вчера ездила к маме. Одна. Поздравила, выпила на могиле. Так разморило, что еле добралась домой. Токоев напрашивался со мной – очень хотел познакомиться с мамой. Неужели он думал, что у нас с ним серьезно настолько, что я повезу его к маме?

Токоев приезжал, когда я была на кладбище. И, конечно, не дождался! Так ему и надо. Оставил розу, открытку с натканными сердечками. И накрыл это хозяйство истеричной запиской, в которой обещал больше «не вер-ну-ть-ся ни-ко-гда!!!» Вернулся через полчаса. С вином и конфетами. Вина было больше, чем конфет... Пьяные, мы валялись на кровати, пытаясь сношаться. Да уж.

И вот сегодня дневные кошмары, разинув волчьи пасти, ополчились.

На соседнем сидении женщина громко засмеялась и посмотрела на меня с ложной пьяной пронизательностью. Лицо ее менялось в зависимости от тембра и громкости смеха: то это было лицо коровы, то козы. Но рога непременно присутствовали. Конечно, кого вдохновит пьяная страхолюдина? Алкоголь ведь меняет ДНК.

Видимо, я сказала это вслух: контролировать что-либо было трудно. Женщина встала, подошла ко мне, и, пока я ею любовалась, с размаху ударила меня в мой хлипкий нос...

Жара.

Как всегда, после дождливого февраля резко наступило лето. Но всё равно не хотелось ни покупать новую одежду, ни спать по ночам, ни думать о скользящей мимо жизни.

Особенно неприятно было, наверное, митингующим на Площади. Как бы ни прикрывались они газетками «Агым», как бы ни запивали водку почти горячей минералкой, пытались остудить свой фальшивый пыл мыслью о том, что сидят они здесь не за благое дело, а за жалкие гроши – ничего не помогало.

На следующий день после мятежа сняли оцепление вокруг Площади, и можно было ездить по городу. Или прогуляться среди вчерашних беснующихся, оставшихся валяться прямо на асфальте. Говорят, водку эти дни к Площади везли ящиками...

Рядом с каждым «повстанцем» – скромная полулитровка минералки, пустая и сиротливая. Дворники отказались убирать Площадь после этой ночи – биотуалеты привезти не удалось. А в пылу жажды народной справедливости и огня – огня для нутра – не до газет и укромных мест.

Густое всенародное возмущение дымилось ошметками в лучах почти уже весеннего и во всякое время жаркого солнца. Кончилась дармовая водка, значит, пора по домам. За месяц продажи родины в розницу у Белого дома платят достаточно, чтобы продолжать питаться лепешкой и чаем.

Это было время, когда на моей родине к весне, по сезонной традиции, словно тухлый «подснежник»³ из-под грязного тощего снега, проросла новая профессия – митингующий.

Как раз к пробуждению мятежников подъехала машина с гордой надписью «Ар-Кумыс». Изрыгнула из себя бодрых парней, выгружающих спасительные бутылки.

...Круглый прыщ разоряется в мегафон перед полуживыми алкоголиками, средний возраст которых около тридцати: «Давайте встанем за Родину, братья!» Братья, рефлекторно среагировав на обещание водки и нескольких сотен сверху, завозились. Но встать было проблематично. Самым настойчивым всё же удалось усесться. Жестокий недогон – это вам не шутка. Тяжелая это профессия – родину продавать...

Женщины и дети уже подтягиваются со стороны парка, умытые, подмытые в фонтане и напившиеся воды пригоршнями оттуда же. Солнце расходилось нешуточно – еще один теплый бессмысленный день ждал нас впереди.

Но мне не надо на Площадь, я еду дальше, на работу, в приют для уличных детей – беспризорников, внутренних мигрантов и выпускников детдома. Приют называется «Детский Центр Жизни».

Сначала они кажутся одинаковыми: вонючими, грубыми и несчастными, и всё окружающее пахнет нереальностью. Такой, как бывает в снах. Они никогда не могут наесться, даже если съедят две порции с добавкой. И никогда не променяют вольницу ночных просторов на сытые ужины и тепло казенной постели.

Это трудно понять нам, людям другого мира, у нас слишком разные кумиры. Как мертвый телец против живой воли. Здесь наша территория и наш закон. Закон равенства. Которого не бывает.

На первом этаже «Детского Центра Жизни» располагается офис, где заседают все управляющие делами разных отделов: питания, образования, мониторинга и развития. Последним вот уже три дня как заправляла я. Чуть дальше, в застекленном закутке (дела Центра и его директора прозрачны!) – бухгалтерия и кабинет директора.

Также на первом этаже большая комната мальчиков, рассчитана, как и комната девочек, не менее чем на десять кроватей. В ней всегда есть дополнительные спальные места на случай сильных морозов. Большинство детей поступает в приют именно во время морозов – на улице слишком холодно. Но при первой же оттепели кровати как девочек, так и мальчиков стремительно пустеют.

Столовая, игровая и комната девочек – на втором этаже. На третьем – комната для выпускников детского дома программы «Взрослая жизнь» и актовый зал. Здесь же коморка сторожа. Единственное место, где можно покурить, если совсем невтерпеж, или ночью, во время дежурств.

Работники Центра питаются в одной столовой с детьми. Входя в курс дела, помаленьку надергивая кусочки испуганных историй о беспризорных, я вспоминала, как слышала, что их насилюют на улицах. И теперь в столовой, когда они относили свои тарелки в мойку, поворачиваясь ко мне спиной, мой взгляд неизменно упирался в их худые детские затылки и задки. Я пыталась понять, как же *это* возможно...

Аппетит безвозвратно исчезал. Бесполезно было убеждать себя, что все это враки. Однако спор уже затеян, и быстрая правда сует вместо ложки в руку аргумент, что большинство беспризорников поступают в Центр с венеричками... Ковыряние вилкой в гречке с кусочками мяса вызывает теперь рвотные позывы – где-то здесь наверняка прячется белое, слизкое, вездесущее...

³ Так криминалисты называют трупы замерзших в лесу бездомных, которые весной, когда сходит снег, становятся заметны.

По первости я их не различала. И когда, к моему бесконечному ликованию, можно было выскользнуть в перерыв до ближайшего поворота затянуться табачным дымом, я шарахалась от каждого киргизёнка: вдруг наш?! Если увидят с сигаретой, мне кранты – в Центре строгий запрет на курение и алкоголь. Оно, конечно, педагогично, но что же делать мне, взрослой курильщице с семилетним стажем, не желающей перевоспитываться? Много в то время было дырок на юбках и куртках, прожженных спрятанными за спину сигаретами.

После обеда, в очередной раз потрясенная, бегу за поворот. Мырк⁴ на остановке рассматривает ярко одетую тетку, и близость этой доступной женщины привлекает его до дрожи в руках. Так же как меня сейчас – лежащая в кармане долгожданная сигарета, которую я сейчас выкурю. Он смотрел на нее жадно и неутомимо. Я думала о ней. О моей сигарете в кармане.

Возвращаясь первые дни домой с новой работы, по вечерам я плакала. Слезы как переход в новое состояние небесполезны. За чужим страданием забываешь свое. Бабушка вздыхала и качала головой: «Какая тяжелая работа...» В ее голосе сквозила хорошая удовлетворенность: деньги правильно получать за нелегкий труд. Тем временем я, спасаясь от пустоты, окуналась на дно. Одно было внешнее, второе – внутреннее. Я никогда знала, что люди могут *так* жить.

⁴ Презрительное название наименее достойных представителей населения, независимо от их национальной принадлежности, а только по причине недалекости означенных.

Глава 2. Ошские и дордойские

Я стала первым в истории «Детского Центра Жизни» менеджером по развитию и лоббированию идеи.

И первые дни мне не могли найти применение. Все, включая меня, плохо представляли себе, чем же должен заниматься человек на такой позиции. Но доноры, финны, требовали закрыть вакансию.

Чтобы войти в курс дела, а также чтобы чем-то загрузить меня, директор предложила мне поехать на программы, которые проводятся на местах – крупнейших рынках города: Ошском и Дордое. Самое важное происходит именно там. Здесь офис, а там жизнь, реальная жизнь беспризорных детей.

Мы садимся в синий бус с надписью на киргизском, означающей, что мы, социальные работники, едем возвращать кому-то нормальную детскую жизнь. Говорят, за все годы программы на дороге ни разу не тормозили.

Загружены под завязку большими чанами с едой – кормить, двумя врачами – лечить, несколькими соцработниками – возвращать в школу. И мной – для понта?

Привычная панорама выученных наизусть улиц всегда забавно смотрится из окна незнакомой машины. Вот завернули на Ошский рынок.

Известная любому бишкекчанину клоака, эдакое государство в государстве, где в грязи по колено снуют невидимые подростки с тачками и лотками семечек и пирожков. У этого чистильщика обуви три класса образования, а сколько у зазывалы, который предлагает узнать свой точный вес за «сом, байке, гана бир сом»?⁵ Лишь специально заточенный глаз способен вычленил их из общего хаоса. Постепенно научилась и я.

Подъезжаем к «офису» нашего Центра. Это квартира на первом этаже в обычной панельке.

Душ – здесь можно помыться в середине трудового дня, что начался в пять утра. К этому тоже нужно приучить: далеко не каждого маленького работягу тянет к мытью – привычки такой нет. Кухня, где можно хотя бы раз в день поесть горячей и весьма калорийной пищи. (Кусочки мяса весьма приличные!) Комната для занятий, с библиотекой. Кабинет врача, где им ставят диагнозы, немыслимые для взрослых благополучных людей, у которых никогда не было ни сифилиса, ни туберкулеза. Вроде меня. Сумасшествие не в счет.

На месте я вижу девочек и мальчиков, русских и киргизов. Мы в кабинете врача.

Входят Катя и Света. Кате пятнадцать лет, на вид одиннадцать, занимается попрошайничеством и проституцией. (В тот момент представить ЭТО не хватило сил). Света, маленькая, косенькая, не разговаривает совсем, ей десять лет, и пять на вид. Пришли на осмотр.

– Катя, – спрашивает врач Раиса. – Как там мама?

– Да всё лежит... болеет.

Мамы таких девочек обычно болеют. И лежат.

Обе девочки явно не из мира, в котором живу я, моя семья, круг общения и даже милый сердцу Витей, выдавший чудовищные виды. Но это совсем, совсем другая история. Дети подземелья, похмелья, ниже дна, в клоаке. Существа – не девочки.

Что-то внутри не выдерживает.

– Раиса, я сейчас.

Выбегаю из кабинета на улицу. Краем глаза замечаю на лице врача характерное для людей этой профессии неизмеримое презрение к моей слабости. Рвотные позывы, слезы вырываются наружу. Я начинаю громко плакать, сморкаться и курить... У меня нет ничего, кроме разры-

⁵ Сом, мужчина, всего один сом (кирг.). Сом – валюта Кыргызстана.

вающегося сердца и дикой злости на беспутных родителей этих несчастных созданий. И на кой им эта школа, если завтра, им, может, будет жрать нечего?

Назавтра рынок Дордой. Бывшая Мекка лихорадочных шопоголиков школьного сезона – россиян и казахстанцев. На сто долларов здесь одевали ребенка с ног до головы, а то и не одного. Крупнейший когда-то китайский рынок в регионе. Этот заморенный кусок родины облюбовали внутренние мигранты из горных селений всех остальных шести областей нашей маленькой, терзаемой очередными «братьями», Республики. Хижины вперемешку с добротными двухэтажками. Наши – те, что в первых.

На средства нашего Центра был куплен дом, в котором живет одна такая семья. Здесь всё, как на Ошском рынке, только душ и туалет на улице.

На вид уже почти пожилая улыбчивая женщина Нуриза, мать семейства, в котором четверо детей, поддерживает дом в чистоте. В благодарность за это они там живут.

Спрашиваю у соцработника:

«А сколько лет Нуризе?»

«Тридцать три», – отвечает...

Обычный рацион для всех на целый день – чай и лепешка. Горячая, сытная еда, привезенная нами – спасение. Маленькая киргизская девочка лет четырех, младшая дочка Нуризы, уже бегают по двору в одном красном байковом платьице, перешитом из старого халата. Ластится к соцработникам. Глядя ее по гладкой черной головке, я вспоминаю, что теперь моя дочка будет расти без отца. Заломило глаза, закололо, полилась наружу соленая едкая лава, оставляя темные дорожки на напудренном лице.

От всего этого пахло нереальностью, такой болючей, что без сигареты мне, пожалуй, не выдержать. Буркнув что-то, предупреждаю соцработника, что отойду. Протискиваюсь к выходу и по слякотной околице, по парному предобеденному солнцу – до первого поворота.

Дрожащими руками, снова крадучись, с закипающими слезами нащупываю в сумочке спасение – серую пачку West'a. Ошпаривает нетерпением. Озираюсь. Никого. Затягиваюсь... Отпустило. Кайф. Эх, не понять этого тому, кто никогда не затягивался!

Докуренная сигарета, впрочем, выбрасывается легко и без сожаления. Как турист в экзотической стране разглядывает аборигенов и их неприхотливые цапки, подхожу ближе к случайному домику. Говорливое семейство, занятое хлопотами, меня не замечает. Зато их жизнь, голая, неприкрытая, развешена застиранным бельем на веревках во дворе, дымится варевом из чанов на уличных кухнях, тычет в глаза безграмотностью тринадцатилетних сыновей, умеющих читать лишь вывески на базаре, алкоголизмом их отцов и бесчисленными женскими болезнями матерей. Они растут там, чтобы сменить через десять лет нас, сытых, образованных, всем неудовлетворенных. Чиркин омур.

Киргизское словосочетание «Чиркин омур» не имеет точного перевода на русский язык. Приблизительно оно значит: «Эх, жизнь...»

Сегодня три недели, как я ушла от мужа. Сначала было холодно и просторно спать одной, излишество кровати было стыдным. Зато теперь по ночам, вместо того чтобы шарить в тишине, среди прочих звуков в поисках знакомого шороха шин, изучив на слух длину тормозного пути, можно было просто лежать, замерев, и смотреть в окно, наслаждаясь статичностью меняющихся фигур глухого мрака.

Право, какое-то странное мистическое чувство охватывает при виде этой точки между крышей дома напротив и небом. Может, это, как водится, чей-то глаз, глядящий в мою сторону, или кусочек чужого счастья, недоступный на ощупь, далекий, как отрывок фильма, виденного в детстве, фрагмент читанного мамой рассказа или очередная фантазия неврастенички, бросившей пить две недели назад и курить три часа назад и беспредельно гордящейся этим,

не делая поблажек ни для каких тревожных дней и пишушей записки в темноте из-за лени зажечь свет? Вот привстанешь, и глаза уже нет...

Все эти хрупкие вещи так недолговечны. В черной непрогляди. Precious⁶. Какое-то молочное ощущение тепла, как в деревне, когда спишь на большой печи в компании двух таких, как ты и, кажется, пока ты здесь, ни одна беда не коснется, и чувствуешь, что спасен милостью, и эти двое заодно... Да и бед-то на свете нет, все они придуманы рекламщиками и буржуями, и Вселенная дышит, тебе в лицо силой, пахнет медом. И никогда не было потерь, и всегда была любовь, и ребенок твой никогда не болел, и ребенка никакого нет, ты сам – ребенок.

Далеко-далеко издают звуки придуманные люди; птицы, поезд, печаль – все придумано. В отличие от арки моего виноградника в садовой беседке и того глаза, что безошибочно выделил меня в темно-серой комнате.

Да еще того странного мальчика, которого я узнаю лишь в ненавистном мае.

⁶ Сокровище, драгоценность (англ.).

Глава 3. Мама, стринги – наше всё!

Утро. Еду в суд.

Маршрутка битком. Удалось сесть, да еще у окна. Имею полное право теперь посмотреть на уличных людей.

Школа. Вот со скорбной важностью идет тетка, по виду училка. Кулаки и рот сжаты, идет наставлять чужих детей. Себя никогда не спросит, как можно жить с таким сжатым ртом? Вот молодой еще совсем парень выпивает у ларька сто грамм мутной водяры или самогонки, идет дальше жить с помятым лицом и удовлетворенным видом.

Вот бабулька с трехлитровой банкой ждет машину с молоком. Подъедет молочник, она ему: «Что-то ты, Миша, сегодня поздновато, всегда в семь уже здесь...»

Улыбнется несколько заискивающе: от этого зависит, будет ли в следующий раз Миша ее ждать или уедет сразу. И придется ей тогда тащиться аж две остановки за литром молока, где подешевле, а то ведь в пакетах втридорога. Он пробурчит что-то вроде: «Да выехал как всегда, пробки же, опять Площадь перекрыли...»

Разговора теперь им хватит на двадцать минут – пока обсудят нынешнюю непрочную власть: «Ах, Акаев, Ах, Бакиев...», пожалуются друг другу всласть и разойдутся. Бабулька пойдет по солнечной улице, войдет в калитку, тут же плеснет коту молока, остальное поставит кипятить, а тем временем любимый сериал уже идет...

Эх, мне вдруг захотелось оказаться на ее месте. По крайней мере, ей, несомненно, плевать на лицемерных коллег, грядущий развод, зашкаливающие эмоциональные срывы и гормональные всплески. Но если, конечно, это из телевизора, тогда да... А вот поликлиника, в которой вырастают наши дети, как выросли и мы. Вот мое имя на заборе, хотя прославляют совсем не меня.

А вот наглый дяденька характерного поведения. Благоухающий свежим перегаришем, сгоняет с сидения ребенка, заваливается, вынимает из кармана «Арабу»⁷ и начинает медленно, негромко вслух по-киргизски читать ее по слогам...

Иногда хочется спросить каждого члена этого «нового общества»:

«Дяденька, а Вы откуда? Сколько живете в этом городе, и стал ли он Вам родным? Помните ли вы его таким, каким помню его я: цветущим, молодым и очищенным от подсолнечной кожуры, от ваших харчков, сморчков и блевотины? Он тогда так и назывался – Фрунзе, что по-молдавски значит «Зеленый». Жители этого чудесного зеленого города извинялись, нечаянно задев вас локоточком, говорили «спасибо» и «пожалуйста» и не выкидывали из такси и маршрутки за то, что ты другой национальности...

...А почему бы вам, батенька, не вернуться в родные горные пенаты, задабривать и удобрять скудную в тех краях землю и оставить нас, обыкновенных киргизов и русских, плохо изъясняющихся на диалектах госязыка, жить как умеем. Этот город был моей родиной. Когда в нем не было вас...»

Но, разумеется, этого я не сказала: мой бюджет не предусматривал починку сломанного носа.

Соседка тетя Айжан, кстати, коренная фрунзенка, заходит в маршрутку и, видя меня, улыбается. Протискивается ко мне на заднее сидение. Отчего-то говорю, что еду на работу. Беседовать о прелестях бывшего совсем не в настрое. Да, да, вот лучше о фен-шуй и прочих радостях.

Внезапно она наклоняется к моему уху:

⁷ Оппозиционная газета

– Знаешь, Варька, как жить стало страшно после революции, – делится глухим шепотом, – вот передаешь деньги и, если говоришь по-русски, как на тебя нападают все! Ты что, родного языка не знаешь? Орус⁸ что ли какой? Как начинают орать, чуть не с кулаками. А я, да и дети мои, все в русских школах учились, нам проще по – русски говорить. В быту-то. Так, когда свои приезжают в гости, конечно, по – киргизски стараемся. Не особо умеем, конечно...

– Ничего себе.

– Да. Вы-то хоть уехать можете, а нам куда? Я хоть и киргизка, а вообще поражаюсь, кто понаехал, что со страной, с городом становится, в помойку превратился, и все злые такие. Южные против северных, чуйские против ошских. Уже и так всю страну располосовали, было бы что делить. Вы уезжать не собираетесь?

– Собираемся, да всё никак не соберемся...

– Да что здесь – у Бакиева, оказывается, семь братьев, (смеемся) – все нахпают, потом сменятся. Нашелся бы патриот какой, как Путин, да никому же не хочется пост терять...

Я киваю. Бесплезные маршруточные разговоры.

– Ладно, Варвара, привет своим передавай.

Она встает, обращается к сидящему рядом:

– Кечерисиз, сиз тушосунбу?⁹

Провожая ее взглядом. Грустно. Но и радостно: при выходе имею полное право обойтись своим: «Разрешите?»

Еду дальше. Открываю окно, пытаюсь спастись от духоты и человеческой вони. Меня тошнит. Часто тошнит. На расстоянии руки от меня и всё же в другой реальности, на остановке бабка бормочет себе под нос: «Вот что при Акаеве было, то и сейчас при Бакиеве продолжается...» Стоит на обочине, дожидаясь зеленого. И вдруг резко выходит на дорогу.

Рванувшая маршрутка слева задевает ее капотом и, наплевав на завалившееся тело, набирает скорость. Наши и те пассажиры выворачивают шеи, пытаюсь видеть конец истории. Тело, пошевелившись, встает и идет дальше по оживленной дороге, ничуть не мешая мчащимся мимо.

От приличного толчка на сидении передо мной резко вскидывает голову спящий пьяный парень. В кармане у него давно трезвонит мобила. Срывающимися пальцами открывает телефон и начинает плакать.

– Ооба¹⁰... Апа¹¹... апа. Асель¹² украли. Свадьбы не будет. Я вчера всю ночь бухал. Не знаю, что мне делать, куда я еду. Я даже не знаю, где я.

Оханье из трубки слышно даже мне. Он закрывает телефон. По его лицу текут слезы, а вся маршрутка смеется. Становится душно, и тоже хочется плакать. День обещает быть веселым.

Я встаю, продираюсь сквозь плотную черную стену – в окно вижу здание суда.

– Разрешите?

«Враги сожгли родную хату. Старуха – страшная бабка. Тихая, добрая, но не слышит, поэтому, когда говорит, всех пугает: «И где ваш хваленый коммунизм... демократия... справедливость, равенство».

...Беги стоял, прислонившись к подоконнику. Он находился в городском суде. На сегодня у него был назначен развод. Рядом девушки – слов нет, ухоженные, но некрасивые. Беги как

⁸ русский (кирг.).

⁹ Извините, Вы выходите? (кирг.).

¹⁰ Да...

¹¹ Мама... мама (кирг.).

¹² Имя девушки

никто другой знает в этом толк. Девушки ведут беседу, будто анекдот рассказывают, как дочка в город собирается, а мама:

- Куда же ты на ночь глядя? Темень уже.
 - Мама, где мои стринги?
 - Покушай. Как же ты в город голодная поедешь?
 - Мама, где мои стринги?
 - Ну, ты хоть теплые штаны надень.
 - Мама, понимаешь, будут стринги – будет все!..»
- Стринги – наше все!

...Я стояла, прислонившись к подоконнику, и ждала его, рассматривая в окно слякотный двор. Пыталась дышать не затхлым тошнотворным воздухом суда, а крохами уличного – из щелей, улизнув от запаха страха, мерзости, выпланных бесполезных слез, растерзанных жизней... Возможно, окно привлекло меня тем, что можно было представить, будто это всё не со мной, что я на свободной улице, а здесь лишь так, для видимости. Словно это такая игра.

Неожиданно подъехало развлечение. Машина с решеткой на крыше изрыгнула из железного чрева целую вереницу, человек пятнадцать, обычных «мусоров» в мятом хаки, с одним бараньим выражением лиц на всех. Выходя друг за другом, они строились дорожкой от машины до крыльца суда, как будто собрались играть в «ручеек». Я ожидала увидеть матерых уголовников, эдаких паханов – не зря же такой ручеек выстроился. Все, кто был в коридоре суда, прилипли к стеклам, подтягиваясь со всех уголков и наслаждаясь зрелищем для пустых глаз.

Конечно, интересно. И вдруг я вижу, как по аллее, выстроенной из ментов, выползают пара мужичков, обычных мырков с Ошского рынка, одна старая на вид торгашка и тройка ни в чем не уверенных подростков, сутулых, как наш Мир с программы «Взрослая жизнь»... Все в потрепанной одежде, пришибленные системой, «гадами» и своей жизнью. Гусеница из людей вползает в узенький проем, по обе стороны грозная стража с пельменеобразными лицами. И громыхнул на узкой грязной старой двери амбарный замок – как хребет перебил чьей-то жизни.

Зато начинает строиться моя жизнь. Вот получу штамп и пойду оформлять справки на отъезд. Уеду и буду жить нормально... Скучать по мыркам, по киргизам, по какому-нибудь мальчику...

Я, при серьгах, фальшивых бусах и улыбке красным ртом – на одной скамейке. На другой – парень, который когда-то выкрал спрятанный родителями паспорт, чтобы жениться на мне.

Это правда он?

На нем черный кожник, подозрительно знакомый. Это все, что осталось. Тот был стройным, милым и преданным. Этот с трудом протискивается в проем двери. Оставивший тогда после себя и своей засаленной подружки алые пятна на еще пахнувшей мной простыне.

Мы сидим с глупыми и храбрыми лицами, как в кино. Обернувшись с блуждающей улыбочкой, я говорю ему: «Как это всё развлекательно!»

И мы оба смеемся.

Судья тоже не подкачала – рыжая Маргарита Ивановна в красной мантии.

– Ответчик, вы согласны на расторжение брака? – спрашивает глубоким голосом задеиствованной актрисы из постановочной передачи федерального канала.

– Да, – не раздумывая, отвечает он.

– Может, всё же стоит сохранить семью?

Я замираю. Просто интересно, что он на это скажет.

Молчит. Интересно, что бы ответила я?

«Знаете, Ваша честь, хотя прошло уже десять месяцев, я никак не могу привыкнуть спать одна. И я до сих пор не могу поверить, что он больше не любит меня. Я не верю в то, что он любит теперь... кого-то другого. Что он может с кем-то, кроме меня, и с удовольствием. Что он равнодушен к дочке, которую от него однажды так отдирали, что она потом лежала три дня с температурой. А он отодрал ее от себя и поехал дальше, забыв про...»

– Да нет, Ваша честь. Семьи-то уже нет. – Просто и безжалостно знакомый голос приносит незнакомые слова.

Я выныриваю и слышу дальше.

– Ваш брак может считаться расторгнутым сегодня, такого-то числа, такого-то месяца такого-то года.

Этот голос, словно волшебная флейта, открывает дорогу. Надо непременно отметить приглашение в новую жизнь!

После суда он подбросил меня в мэрию. Я всё еще на сцене. Кривляющаяся и словесно извивающаяся. Следующие полчаса активной эксплуатации мышц лица, и так уже довольно потрепанных постоянным оттоком витамина С от почти непрерывного курения и мыслей о Сущем.

В машине курим и шутим. Интересно, он чувствует то же, что и я?

Как все-таки бывают похожи друг на друга совершенно чужие люди. Укладывая дочку спать, вспомнила отчего-то приютскую Вику. Семилетняя, она похожа на Майку, как сестра. По возрасту вполне могла бы быть моей старшей дочерью. Иногда в голову приходили мысли что, я могла бы ее удочерить. Но очень смущал лицемерный характер.

Она, как собачонка, заглядывает тебе в глаза, ласкается... пока ты приносишь ей какую-то пользу. И, завидев на горизонте более перспективный объект, не прочь приласкаться и к нему. Просто так ведь ничего не дадут. Никогда не давали. И как ей еще жить, этому семилетнему человеку, девочке Вике, уже познавшей силу ласки, жалости и своих длиннющих ресниц?

Вот правильно говорят: не пой с утра – к вечеру плакать будешь. Но когда совсем невыносимо – не плачется.

«Не волнуйся, скоро, скоро наплачешься. Ты еще не знаешь, что настоящий ад начнется завтра». Никогда не знаешь, что начнется завтра или даже через минуту.

Глава 4. Белая поварская шапка

Выпускников наших программ, в том числе воспитанников детдомов, обучали разным профессиям.

Девочек – ремеслу швеи или парикмахера. Мальчиков готовились стать слесарями, столярами или поварами. Последнее предпочиталось. Считалось, что именно повар никогда не останется голодным. И это был аргумент.

Иса выбрал кухню как меньшее из предлагавшихся зол. В поварской белой шапке он еще мог себя представить, в сварочном шлеме – никогда.

Когда мальчику Исе был от роду год, а его брату Миру – три, родной дед сдал их в детский дом, что находился в городе Ош, на юге республики. Их мать сбежала от отца с каким-то прохвостом, прихватив грудную дочку. Отец по такому случаю запил насмерть и бросил сыновей с дедом. А дед побежал за советом по родне. И киргизская традиционно многочисленная родня присоветовала: мол, старый ты уже, снаряжай в казенный дом засранцев...

После выпуска из детдома жильё нужно было ждать. И ждать *где-то*. Центр как раз открыл программу для таких ребят. Помощь заключалась, прежде всего, в психологической подготовке к нормальной взрослой жизни. Но не только. Им предоставили большую комнату на восемь человек, стипендию, пока не устроятся на работу, учебу в училище.

Однажды работники Центра, ратовавшие за воссоединение воспитанников с семьёй, после долгих поисков нашли-таки их семью где-то на северном побережье озера Иссык-Куль.

Со снесенной от такой новости башкой ребята, побросав работу, которая их кое-как, но кормила, рванули в родное село. Слишком уж обожгло такой вдруг реальной и жгучей тоской – посмотреть на людей, похожих на тебя. Всё простить, всё забыть, только бы рядом, только бы вместе – с ними.

Они вернулись через месяц. Падение вниз, с высокого моста иллюзий, оказалось тяжёлым ударом. Первым в их новой реальности.

Теперь жили здесь. Мир периодически работал – по неделе на каждом месте, до первого прогула. А Иса проходил практику от училища. Прямо в столовой, на первом этаже приюта.

Практика его заключалась в чистке картошки и разделывании мяса. Еще в ношении белой шапки, сползавшей на красивый смуглый лоб, но не добиравшейся до кончиков блестящей челки, которая падала на правый глаз. Особой любви к обретенной профессии он так и не обрел.

Большая белая шапка делала его похожим на Маленького Мука. Вначале я заметила ее. В тот отвратительный майский день, похожий на другие, я, чтобы немного разбавить свои изгибистые мыслеформы, загнущиеся раком при написании пресс-релиза, направила свои стопы в столовую – обедать.

Он резал что-то кровавое на доске. Метнул взгляд на дверь. Этот взгляд странных глаз из-под блестящей черной челки – глаз маленького дикого зверька, зашуганного до смерти, но не раздавленного. Неважно, как сильно давят. Лупят по затылку, таскают за загривок, называют дебилом, навязывают чужую жизнь, орут, обувают-одевают-кормят-опекают-попрекают. А он всё жив.

– Сдрасти... – сказал одними губами.

Но я услышала. И мой зверь внутри приветствовал этого зверя – снаружи.

– Привет!

Звери не говорят человеческим языком, они просто поедают дымящуюся дымляму¹³. Совокупаются. Принимают в свою стаю. Сжирают чужаков.

¹³ Дымляма – блюдо из мяса и овощей, приготовленных на пару

А у этого зверька перевязана рука. Темная, худая, с ослепительно белой бинтовой повязкой пониже локтя. Удивительно тонкие кисти легко двигают тяжеленные чаны и двадцатилитровый чайник (попыталась я однажды сдвинуть его с места!), артистические пальцы снимают чугунную крышку над дымящимся варевом... Сервируют поднос – для меня... Мне захотелось разглядеть, какого цвета его глаза.

– Что с рукой?

Взглядывает, ослепляет улыбкой.

– В футбол играл. Вывихнул, – едва понятно отвечает.

– Помажь троксевазином.

– Да не... – улыбается смешливыми губами – в пол, смущенно, как аилская девица¹⁴. Опять взглянет, наливая компот, и обратно, в излюбленное место – в пол. Блестящие влажные глаза неважно, какого цвета.

На кухнях принято трещать без умолку о всякой ерунде, и, поддавшись влиянию эгрегора¹⁵ всех на свете кухонь и их веселых поваров, с губами, всегда готовыми пробовать на вкус похлебку, собственную улыбку или шутку, отрываю рот, чтобы... И замечаю на подоконнике толстую серую книгу с золотистой надписью на корешке «М. А. Булгаков».

Стальная обложка блестит на солнце и кажется обжигающе горячей. Застенчиво прикрытая шторкой, она терпеливо ждет, когда овощи будут заброшены в кастрюлю, а ее хозяин приломостится на краешке узкого стула и жадно погрузится в терзания молодого врача или наоборот, несчастной женщины...

Я застыла. Можно было ожидать, что в перерывах между чисткой картошки и разделыванием мяса поваренок – практикант будет резаться в «стрелялки» на телефоне или, на худой конец, была готова увидеть в углу незаконченную партию в нарды, но только не Булгакова.

– Ты читаешь? – киваю на подоконник. Он поворачивает голову, и я еще надеюсь, что услышу «А, это... Нет, Арина-эже забыла...»

Но он утвердительно кивает.

– Нравится?

Снова кивает, улыбается вниз. Ставит на поднос блюдо с дымящейся, невыносимо благоухающей тушеной картошкой...

– А что еще ты любишь читать?

...кладет щипцами пару ломтиков черного хлеба на салфетку...

– Ну... Чехова, Есенина... – морковный салат в блюде помещается рядом со стаканом компота. Обед готов, получите, распишитесь.

– А Есенин тебе нравится поздний или ранний?

– Не знаю. «Черный человек» нравится, «Любовь хулигана»... а так названий я не помню. Он легко подхватывает поднос и, несмотря на мои возражения, несет его в столовую.

Двигается он изящно и как-то царственно. Сказать смешно: непонятный детдомовский парнишка всего лишь несет столовский обед.

Пара мальчишек из приюта вытирали столы за только что поевшей малышкой. К некоторым, особо неадаптивным, приходили учителя из ближайшей школы заниматься прямо в комнате приюта.

Дежурство. Еще один акт приобщения к трудовой дисциплине. Многие дети уходили из приюта только потому, что их заставляли убирать постель, следить за внешним видом, чистить зубы, убирать со стола посуду и подметать полы. Уходили, несмотря на явные (для нас) плюсы пребывания в приюте – тепло, всегда горячая вода, чистая постель, а главное – сытная

¹⁴ Аил – сельская административная единица в Киргизии

¹⁵ Эгрегор – душа вещи (здесь: места), порождаемая мыслями и эмоциями людей

еда и круглосуточное медицинское обслуживание. Переждав зимние холода и вылечив здесь хронические болячки – малокровие, тубик, венерические болезни – дети уходили по одному. Иногда летом комнаты пустовали наполовину.

Вот и сейчас два мальчика скрепя сердце подметали, мыли пол, бросая друг другу фразы на киргизском вперемешку с матерками.

Завидев моего провожатого с подносом и меня следом, они хрипло захихикали и что-то бросили ему, отчего он снова заулыбался.

Поставив поднос на только что вытертый и еще влажный столик, он развернулся к выходу.

– Приятного аппетита, – прошептал.

– Спасибо, – и так уже приятно, черт побери. – А, подожди, как тебя зовут?

Но мальчик уже скрылся за крутым поворотом дверного проема.

Как же удивительно, что он читает Булгакова. И какие бывают глаза у некоторых людей. Девушек с такими глазами восточные поэты называли «ботогоз»...

С удовольствием я впивалась в аккуратные квадратики мяса. Мальчишки закончили уборку и шумно ушли.

Я сидела
и мечтала
у открытого окна...

Мечтательное настроение мое прервала странная возня в кабинете соцработников. Кто-то плакал. Незнакомый женский голос чеканил:

– Прекрати ныть! Не плачь, мне же надо на работу. Я пойду, потом заберу тебя. Я же тебя не бросаю!

Плачет мальчик, всё громче и громче:

– Мама, мамочка, не бросай меня! Не уходииии! – орет уже в полный голос.

Слышу голос соцработника Ханумы Аллоевны:

– Если будешь плакать, маму вообще не увидишь, а пойдешь в детский дом.

Ложка выскальзывает из моих рук и падает с глухим звуком в картошку.

Мальчик рыдает.

– Ну как мама купит тебе «Камаз»? – продолжает Ханума Аллоевна, самый добрый соцработник Центра. – Она пойдет на работу, и деньги дадут только через месяц, тогда купит. А если будешь плакать, я буду тебя ругать.

Мать орет:

– Да хватит ныть, я приду вечером. Или завтра... Отпусти руку! Пусту руку, я сказала!

– Мамочка, мамочка, не уходи!

Внутри что-то не выдерживает, я взрываюсь потоком слез. Плачу почти в голос, не успеваю вытирать слезы выделенными мне двумя салфетками. Эта чудовищная пытка невыносима.

Ханума Аллоевна говорит без церемоний:

– Маймыл¹⁶, мой сын и то не просит у меня ничего. Да если бы он стал кланчить, я бы ему самому так дала!

– Отпусти руку, я сказала!

Мы с мальчиком горько плачем. Я иду в туалет, чтобы умыться.

Мы не имеем права вмешиваться в дела соцработников, можем только советовать и сетовать. И то, и другое бесполезно – Ханума никогда ничьего мнения не принимает всерьез. Начинаются упреки: «Вы ведь не педагоги – понять методику не сможете» и, как-то незаметно, ты

¹⁶ Дословно: обезьяна. Здесь: дитя (кирг.).

оказываешься виноватой. Если бы я зашла в кабинет, скорее всего, меня бы просто выставили за дверь.

А шестилетний Ороз еще несколько дней и днем и вечером выходил во двор, когда лаяла собака: может быть, мама идет. Днем посмотришь в окно, а он во дворе с машинками играет один, поглядывает на ворота, ждет.

Мама так и не пришла. Ни через месяц, ни еще те полгода, которые я там работала. Пришел какой-то дядя, постоял с ним возле ворот пятнадцать минут и ушел. Ушел с целой кипой рисунков, которые маленький Ороз рисовал почти каждый день – мечтал отдать своей мамочке, когда она за ним вернется.

И как это возможно – прийти к ребенку в приют, разговаривать без эмоций во дворе, постоять и уйти, забыв о нем, только выйдя за ворота? И оставить его с ощущением дикого голода о тебе, гигантского одиночества... Потом его забрали. Видимо, когда заработали достаточно денег, чтобы купить игрушечный «Камаз».

За добротным дубовым столом просиживают за важным делом восемь немолодых теток с морщинистыми от недосыпа и старости лицами. Все менеджеры, все, как и полагается, бесстрастны. Пятница и очередное собрание Членов Круглого стола (ЧКС).

«На повестке – вопрос о вводе в программу Центра еще одного выпускника детского дома. А также о продолжении или завершении пребывания в ней второго». (Так было записано в протоколе собрания.)

Куратор программы, девушка неопределенного возраста и жизненной позиции, Сулира, отодрав себя, наконец, от сайта знакомств, спускается по лестнице из комнаты мальчиков в офис. Вслед за ней семят двое худых юношей.

Оба с опущенными глазами. От смущения или с непривычки здороваться они не стали, сели с краешка общего овального дубового стола, выставившись на съедение. Восемь взрослых теток сегодня решают их судьбу: оттянется ли на несколько месяцев начало их скитания по взрослой одинокой жизни или начнется уже завтра.

Первого я не знаю. Кудрявенький, светлокожий мальчик. В жалком стареньком шарфике, свитерке, прошедшем не одно поколение. В пиджаке из секонд-хэнда. Второго я видела только что в столовой. Он не успел еще стянуть с головы свою старую белую потаскушку, сменившую не одного хозяина.

Я засмеялась. Все встрепенулись, не веря своим ушам: смеяться на собраниях – это неслыханно... Опомнилась, но поздно. Он заглянул мне в глаза, чувствительный: не насмешка ли?

И тоже улыбнулся – ослепляюще. Испепеляющее. Наверное, надо было прикрыть глаза рукой.

...Они приходят сюда невыносимые, никакие; не разговаривают, почти не понимают, что им говорят, хотя и русскоязычные все. Киргизы, а не знают киргизского, если детдом был русский. Через пару недель, глядишь, мальчик тот же, а манеры уже прибалтненные. В спокойной атмосфере Центра, в отлаженном порядке жизни они успокаиваются. Вдруг раскрываются таланты. Кто-то пишет песни, кто-то читает рэп, с девочками по телефону флиртует. Или просто бухает. Или проходит мимо, прошепав: «Сдрасти», улыбаясь, ослепляя и не видя тебя в упор.

Итак, Сулира приступает к своей гениальной речи. Члены Круглого стола, зная, какие полезности можно извлечь из таких собраний, приготовились испытать массу тонкого удовольствия, занимаясь своими делами: кто-то, радуясь свободному часу, расписывает планы в ежедневнике, кто-то составляет бюджет на неделю.

Сулира открывает синюю худую папку, ледяную и скудную, отвыкшую от тепла человеческих пальцев. Как казенные постели и столы этих мальчишек.

– Май, такой-то год. На вступление в программу «Взрослая жизнь» и продолжение участия ней есть две кандидатуры. Это Камков Семен и Акеримкулов Иса.

Семен, 1987 года рождения. По характеру уравновешенный, неконфликтный, с ребятами уживается хорошо. Сирота. Выпускник интерната. Закончил профлицей №17 по специальности «мебельщик». Сестра сейчас живет в Канте¹⁷, учится на швею. Сеня регулярно посещает ее по воскресеньям...

Каменное лицо Семена выражает гамму эмоций – они вмещают в себя всё, эти маленькие дети.

– С сентября пытаемся найти ему работу, но везде его обманывают в зарплате, иногда просто не платили. С последнего места он ушел по этой причине. Сейчас у частного лица красит двери.

– Почему ушел? – спрашивает директор Лира.

– Мы договорились мешать бетон, – начинает Семен, – спросили, сколько платить, сто сомов в день хватает? Ну, я и сказал, да. А потом мне говорят, мол, ты что свое здоровье ценишь в сто сомов в день?

Я даже знаю, кто ему это сказал: Мир уж ценит свое здоровье вообще в отсутствие всякой работы.

Пальцы куратора исполняют произвольный шарящий танец, по привычке пытаюсь нащупать клавиши, чтобы набить сообщение на сайте знакомств. Но натываются на острые края синей папки. Вынырнула.

Семен смотрит в одну точку – на край офисного стола. На столе золотой дорожкой стелется сегодняшняя подозрительно солнечный день. Как себя чувствуют на таких местах?

– А почему ты хочешь поступить на Программу? – спрашивает его Лира.

– Ну, хотел бы встать на ноги, накопить денег...

(Да скажи же просто, что жить тебе негде.)

– А цель у тебя есть, мечта?

– Мечты у меня нет. Живу реальностью, – виновато улыбается пацаненок. – Надо сестру еще поднимать...

Внезапно мальчик начинает плакать. Он утирает слезы своим потертым ушатанным шарфиком. Все, в том числе Иса, делают вид, что ничего не происходит. Все, кроме него, в замешательстве, которое мы пытаемся замаскировать. За несколько месяцев моей работы в Центре я уже привыкла к этому резкому ощущению странного сна, когда вспышка реальности вырубает мозг: «Это не со мной».

Привыкла, что такое бывает, но не отвыкла орать внутри. Простой мальчишка, с невымытыми волосами, смелый и сильный, выброшенный воевать против всех.

– Это нервное, – шепотом скажет врач Раиса.

Сулира продолжает представление.

– Акеримкулов Иса, 1988 года рождения. Также выпускник детского дома Ошской области. Иса работает кондитером. О нем очень хорошие отзывы. Он старательный, всё делает, что говорят. Получил зарплату, купил одежду на зиму, и теперь ему надо накопить денег на жилье, просит оставить его до декабря, пока насобирает.

(Из отчета социального работника:

«В октябре началось устройство на работу Акеримкулова Исы в связи с получением им диплома об окончании училища. Мы столкнулись с массой проблем: почти везде требовались повара-кондитеры с опытом работы. Очень мешала неуверенность Исы – он не хотел работать по специальности. Хотел работать грузчиком. (Здесь я, читая отчет, засмеялась: разве такой красивый мальчик может работать грузчиком?!) В раннем детстве у Исы выявили серьезную

¹⁷ Кант – пригород в Киргизии

задержку развития и нарушения речи: он почти не разговаривал. С ним проводилась работа по снятию страхов. Соцработник вместе с ним ходила к работодателям. После этого Иса устроился на работу в пекарню учеником. Работа была очень тяжелая, в ночную смену, без выходных и без оплаты. Он работал так месяц, потом не выдержал и ушел оттуда. Затем, по объявлению, вместе с соцработником приходил на собеседование в кондитерский цех, куда Ису взяли на работу. Работает он уже больше полугода, и о нем получаем только положительные отзывы...»)

Лира делает характерный для себя жест – почесывает затылок. Сейчас кому-то попадет.

– Сулира, скажите, зачем мы пишем предписания, планы, если нам самим до них нет дела? У нас по уставу дети старше восемнадцати не должны находиться, а ему сколько?

Сулира мнется – скорее бы вернуться на сайт, а дело-то затягивается!

– Уже восемнадцать.

Пользуясь моментом, пока Лира, взяв конфету из вазочки на столе, громко разворачивает ее и без интереса пережевывает, Сулира продолжает:

– Иса до сих пор не может получить паспорт – вы всё знаете, что его документы были утеряны в доме-интернате, где он вырос, и никаких метрик на него не осталось.

– Насколько я знаю, Иса находится в поле нашего зрения почти год. Что, за год нельзя было сделать паспорт?

(Конечно, можно, если этим заниматься.)

– Очень долгий процесс...

– Сулира, скажите, зачем тогда нам вообще нужен специальный сотрудник для таких целей? Может быть, Вы зря получаете свою зарплату? Назовите срок, когда паспорт будет у мальчика.

– Сейчас уже мы походили по инстанциям. Думаю, месяца через два.

– До какого срока он хочет жить здесь?

– До декабря.

Лира шумно отхлебывает чай из столовской кружки. Скорее всего, им не будет отказано.

– Мы будем обсуждать этот вопрос еще....

(Точнее, «я буду обсуждать, а ЧКС будет сидеть и поддакивать мне», хотела она сказать.)

– Что у Вас еще, Сулира?

– Воспитанник, который находится сейчас в программе, Акеримкулов Тынчтык просит о продлении его пребывания здесь.

Выражение лица Лиры не предвещает ничего хорошего

– Почему?

– Тынчтык только устроился на работу, и с ним произошел несчастный случай – поранил руку. А так как его работа связана с физическим трудом, то его попросили уйти. Так он потерял работу.

(А руку Мир¹⁸ поранил на концерте Сереги, того, что на черном «Бумере», говорит, танцевал брейк, а у самого вся рука изрезана бутылкой. Если пьянка мешает работе, на фиг ее, такую работу.)

– На что сейчас живет?

– Ищет новую работу...

– Кто что думает?

Традиционное молчание.

Робкий голос врача:

– Может, дать последний срок до декабря?

Социальный работник:

¹⁸ Тынчтык (кирг.) – мир. Здесь игра слов: прозвище мальчика, которого зовут Тынчтык, – Мир.

– Миру уже почти двадцать...

– Поэтому он под большим вопросом. Жибек, пишите выводы: оставить Акеримкулова Тынчтыка с испытательным сроком в четыре месяца, продлить Акеримкулову Исе возможность проживания до 1 января такого-то года. Семен входит в Программу.

Вот и всё обсуждение. Почти физически видно, как ребятам становится легче. Жибек, секретарь, задает абсолютно формальный вопрос.

– Есть еще вопросы или кто-то хочет что-то добавить?

Я поднимаю руку. Прокашлявшись, встаю.

– Может быть, я несколько не в тему, – ребята и все остальные удивленно смотрят на меня, – но я хотела бы вот что сказать. Ребята, вы зря так расстраиваетесь, по всему видно, что сил в вас хватит на что угодно. Держитесь вместе, вместе вы станете еще сильнее. Ты, Сеня и сестра твоя – вы друг за друга, и вас ничто не сломит! Что касается мечты и цели – мечта – это и есть большая цель. А ты раздробь мечту на маленькие шаги к цели и каждый шаг по отдельности делай – так и придешь к своей мечте. Прямо план составь и делай всё, не отступая! – (Эх, нашелся бы кто, посоветовал мне сделать то же самое в моей жизни... Я прокашливаюсь, всё-таки курилка бы здесь определенно не помешала). – И главное – верьте в себя! Вы молоды, талантливы, умны и всем хороши, у вас всё впереди! А ты, кондитер, не смотри так, а то я тебя съем.

– Спасибо, – тихо и твердо говорит Сеня. От Исы я получаю такой взгляд, что внутри становится горячо, как от коньяка. Который я скоро буду таскать в сумке на работу каждый день. Уже скоро, совсем скоро...

Но ничего из этого вслух я так и не сказала. А только в своей воспаленной голове. прокручивала потом в возбужденном мозгу еще недели две. А мальчики просто ушли.

Это был взрыв, которого никто не заметил. Кроме двух зверей внутри. Но они не разговаривают и не сообщают о новостях. Пожалуй, мы никогда не можем сказать наверняка, где закончилась одна жизнь и началась другая.

Глава 5. Шаг, шанс и случайные связи

В тот солнечный день я, директор Лира и соцработник Ханума Аллоевна снарядились в стан врага – в минообраз¹⁹. Лоббировать, лоббировать и еще несколько раз повторить то же самое, просто чтобы наполнить свою жизнь каким-то смыслом.

Мимо мчится сухая пыльная дорога. Пальцем расширяю холодную потную точку на окне служебной иномарки.

Останавливаемся на светофоре. В лотке «Тандырные самсы» торгует бойкий парень. Вот человек, знает свое дело, доволен им, не надо ему никого спасать. Он знает – перекусивший его самсой уже спасен, ибо голодный не может бороться за правду. Едем дальше.

Чтобы не терять ни секунды рабочего времени, Ханума Аллоевна принимается бодро отчитываться перед шефом.

– Лира, мы наводили справки в «Айдае» о Доходягине. Пришел отчет – имели место попытки суицида...

Лира, не оборачиваясь, с переднего сидения остужает пыл привычных усилий по пристройству к своей заднице. Ибо сейчас это будет не так удобно, как обычно, ведь они сидят слишком далеко друг от друга.

– Ханума Аллоевна, вы должны были проконтролировать весь процесс от начала до конца. Вы сами говорили, что этот Доходягин социально опасен. А ведь мы взяли его в Центр.

– Да... – лучший работник, самый добрый человек Центра и выдающаяся стрелочница госпожа соцработник делает еще одну провальную попытку. – Но медики давно должны были определить его в психоневрологический диспансер.

– Насколько я помню, Вы сами настаивали на его приеме.

Пауза. Я поворачиваюсь посмотреть на сморщившееся в ожидании удара лицо.

«Успокойся, теперь уже холопов не лупят», – мысленно посылаю ей.

– Но он социальный сирота и подходит под наш устав. Туберкулез у него уже почти вылечили, документы восстанавливаются...

При упоминании туберкулеза вспоминаются неудавшиеся обеды в столовой, и я жалею, что успокоила ее, отворачиваясь к приятно-молчаливой панораме за окном.

Лира раздраженно почесывает затылок пятерней – любимое занятие с незапамятных времен.

– Давайте потом поговорим. Варвара, в перерыве закажите тринадцать порций обеда в «Шансоне».

– Конечно, – я радуюсь, что можно будет выйти покурить. Что же остается делать менеджеру по развитию и лоббированию, как не заказывать обеды!

– По полпорции солянки, одна жаровня на двоих, салаты – три вида.

– Слушаюсь, моя госпожа, – так следовало ответить согласно контексту, но я решаюсь только на: «Хорошо, Лира».

Заседающие собрались в тесном кругу, почти по-домашнему. Учителя и директора школ для детей с пробелами в образовании, пара-тройка «своих» газетчиков и энкаошники²⁰.

Пробовали ли эти холеные дамочки запахи двенадцати квадратов, где спят чуть не вповалку шесть человек, в том числе грудной ребенок?

¹⁹ – сокращенно от «Министерство Образования»

²⁰ Участники некоммерческих организаций – НКО

Вот вы, например, госпожа директор, впоследствии обеспечившая за счет Центра пол-школы учебниками. А после этого удачного дельца поголовно выгонявшая наших воспитанников из школы, мотивируя тем, что «они все у вас придурки!».

Но я этого пока не знала, поэтому сказала просто «Сдрасти».

Все рассаживаются, разбирают пластиковые стаканчики с плавающими в них пакетиками чая и потирая обожженные пальцы. Председатель собрания, крупная крашеная расписная блондинка Марченко, играя в строгое заигрывание, стучит по столу карандашом и объявляет повестку дня.

(По мне так ей бы больше пошла кожаная униформа и плетка.)

– Уважаемые товарищи!

Товарищи польщено улыбаются такому панибратству. Еще бы – от председателя сети исходят многие блага, связанные с распределением кусков и кусочков, будь то материальный эквивалент личного расположения или приглашение на прессуху²¹.

– Сегодня на повестке дня следующие вопросы. Первое. Отсутствие правовой базы для решения проблемы. Второе. Должна быть разработана программа для возвращения беспризорных детей в систему образования. Третье. Мало коррекционных классов выравнивания для детей, пропустивших несколько лет учебы. Четвертое. Отсутствие у преподавателей опыта работы с детьми с пробелами в образовании. Пятое. Необходимы учебники на киргизском языке. Шестое. Доплата учителям беспризорных детей. И седьмое, самое главное – равнодушные государства.

Все закивали.

Единственная моя функция – наливать в стаканы воду и здороваться. Я сижу в углу и записываю по собственной инициативе в собственный блокнот:

«Составить сложный развернутый план действий по устройству дальнейшей жизни...
«Один грамм зла налагает клеймо позора на всё благородное» (Шекспир, «Гамлет»).

Так мне показалось, так, наверное, и случится.

Флэшбэк – эффект повторения пережитого в снах».

К чему привел очередной круглый стол? В тот день мы замутили обалденную фишку – устроили бесплатную раздачу учебников школам, которые возьмут на обучение наших детей. Директора купились, и мы ударили по рукам. Жалкие полмиллиона сомов взамен на то, чтобы пара-тройка десятков детишек почувствовали себя людьми-детьми. Хотя бы на время. Это даже не деньги.

Кстати, сегодня солнечное затмение. Пить нельзя. Зато курить можно: я иду по улице заказывать обед. Навстречу идет тетка с пустыми ведрами, по привычке скрещиваю пальцы и рисую в воздухе руну.

Льет дождь, я курю за углом под зонтом.

Даже если капли дождя очень тихие, шум всё равно стоит такой, что не слышно, о чем говорят прохожие. Но иногда даже за этим мелким шепелявым звуком капель непросто пропустить ответ на свой вопрос. Мимо меня прошли женщина вдвое старше и юноша вдвое моложе меня.

– Знаешь, – говорила она ему, – хорошо, когда шаг совпадает с шансом.

Они заворачивают за мой угол и, вероятно, продолжают говорить о своих небесных кренделях.

Шаг, шансом, шансон...

²¹ – Пресс – конференция

Я потрясенно докуриваю сигарету, медленно выбрасываю ее, она неспешно окунается в лужу, и я слегка заторможенно поднимаюсь по ступенькам «Шансона». Конечно, шанса не будет, если не будет Шага. Я делаю шаг, второй, ступеньки выше, я на крыльце, у меня начинает кружиться голова, и тут я понимаю: Храм должен заполнять Бог. Если нет Бога, то должно быть что-то, что заполнит Храм. Что? У меня нет ничего, что заполнило бы мой Храм. (Надо сказать, в те дни я читала «Заир»²². Не была в восторге.)

На часах тринадцать – тринадцать тринадцатого числа нетринадцатого месяца.

...Уже перед самым уходом из офиса я вспомнила про книгу. В окна глядело вечернее солнце, глянцевая обложка купленного вчера сборника Бродского блеснула три раза – на каждом лестничном пролете. Я поднималась на третий этаж.

Второй раз в жизни я подходила к этой двери. Первый раз – когда психолог Аня знакомила меня с Центром. Кажется, в их комнате даже кто-то был, кивнул мне с улыбкой, кивнула и я... Не помню, кто это был. Тогда все они были для меня на одно лицо.

Чуть ли не в первый день я попала на какой-то праздник – в актовом зале выступали бывшие беспризорные дети. Я хлопала после каждого номера и всё время спрашивала себя, куда же я попала. Особенно запомнился один пацаненок. На лице его было написано, что еще вчера он спал на теплоцентрали и просил подаюния с клетчатой шапкой. Под глазом у него сиял фиолетовый фонарь, а пальцы были изрезаны бритвой. Губами, привыкшими к совсем другим словам, он сегодня в нарядном зале поет песенку о том, как хорошо быть послушным паинькой, а клетчатая шапка постирана, выглажена и уложена в шкафчик... (до лучших времён?)

А вот и дверь в комнату ребят из «Взрослой жизни», выпускников детдома. По словам соцработников, эти ребята ни на йоту не приучены к жизни в этом мире людей. Что у них вечный потоп – могут забыть закрыть воду и ходят в носках, растаскивая грязь по комнате. Я пожалела, что у меня нет резиновых сапог, и постучала.

Тук-тук. Молчок. Еще тук-тук. Опять молчок.

Я приоткрыла дверь и сделала еще тук-тук. Комната была пуста. Я вошла. Пол был сухой и абсолютно чистый. Все кровати были аккуратно застелены, на тумбочках прибрано. Из шкафа не торчала и не вываливалась одежда. С гигантского плаката на стене огромными, подведенными на индейский манер глазами за мной следила Кристина Агилера.

Но как я узнаю из выстроенных в ряд кроватей, где спит Иса? Некоторое время рассматривала по – спартански обставленную комнату. Обеденный стол в углу со стопкой вымытой посуды. Хлеб, кастрюлька. За шкафом утюг, полка для обуви. Старенький музыкальный центр и диски – рэп, рэп и рэп.

На одной из тумбочек замечаю мою старую знакомую в сером переплете. Только сегодня она уже не сверкала на солнце и не была так раскалена – тихая, замолкшая, скужающая рассказчица спала. Рядом с ней стояли, лежали стопками несколько толстых книг и довольно много – поменьше. Чехов, Достоевский, Гоголь, потом Пелевин, Коэльо, Кастанеда, Библия...

Я подошла к серой, отогнула закладку. Книга послушно ожила.

«— Когда умрет, обязательно пришлите за мной, – вполголоса приказал я фельдшеру, и он почему-то вместо «хорошо» ответил почтительно:
– Слушаю-с...»

Между переплетом и первой страницей была заложена фотография – шесть цветных снимков три на четыре. Свежая. Иса улыбался мне так, словно в ту минуту, когда фотографировался, думал о тех чудесах, что накроют его, как только в руках у него окажется заветный

²² «Заир» – роман Пауло Коэльо (прим. ред.).

синий документ²³. Я рассматривала его лицо. Его совсем не портят азиатские скулы и полноватые губы. Никогда не думала, что можно быть таким красивым. И какая челка блестящая, даже на этой официальной матовой бумаге. И глаза – темные-темные...

Я посмотрела на саму закладку. На листе бумаги какими-то полудетскими, старательно выведенными буквами было написано:

«Я люблю тебя очень-очень.
Сильно-сильно, вечно-вечно
И еще чуть-чуть.
Люблю только тебя одну, люблю и буду любить
Всю жизнь.
Для тебя я живу.
Твой сон наяву.

28 мая такого-то года»

За дверью послышались шаги. Я захлопнула книгу. Как застигнутый врасплох вор, с оглушительно колотящимся сердцем бросила книгу на тумбочку, отбежала на безопасное расстояние. Шаги приближались. Я уже прокручивала в голове, что скажу Сулире, когда она войдет. «Я зашла, никого не было... Я обещала Исе книгу, вот она... ах, вот – в сумке...» Чееееееерт!

Шаги невыносимо гроыхали прямо под моим ухом. Потом остановились, кто-то задрезжал ключами, щелкнул замок на двери коморки охранника. Шаги в последний раз протопали и затихли. Замок еще раз щелкнул.

Уф... Сегодня смена Ивана Христофорыча. Он всегда запирается в коморке, и я его понимаю: неприятно, когда тебя отрывают от фляжки с водочкой.

Выдохнув, вернулась к полке. 28 мая – это вчера. Много бы я отдала, чтобы узнать, кому он это написал.

Я вынула из сумки Бродского, положила на тумбочку. Еще раз открыла сумку, вырвала из блокнота страницу и написала: «Есенин – гений. Бродский – гений». Вложила листок в Бродского и положила свою книгу под серую. Уже у двери я остановилась. Быстро вернулась к полке, раскрыла серую книгу, взяла фотографии и вышла.

Все-таки это хороший знак – когда, выходя из дверей Центра, не встречаешь ни единой души.

Я стою на улице и курю. У нас в стране не принято курить женщинам в местах, где их могут видеть, так что я стою за углом Музея исторических наук. Под внезапным дождем.

Пожилая киргизка блюет чем-то вызывающе красным. Три варианта: отравилась помидорами, отравилась арбузом, отравилась гаденьким баткенским вином на розлив. Уж я-то знаю.

И вот ведь странно – детдомовский пацаненок в старой куртке с чужого плеча, всю свою жизнь ходящий в обносках или казенном, у которого «не все дома», как выражаются те, кто знает его лучше меня,

с замиранием сердца разглядывающий красивые машины, которых, возможно, у него не будет никогда...

плохо говорящий на любом языке, худенький, с голыми щиколотками, легко тягающий огромный кухонный чайник и кастрюли любого объема...

бесенок или ангел...

²³ Обложка паспорта гражданина Кыргызстана имеет синий цвет

...краше всех этих холеных – только что из салона красоты, напомажены да уложены, обновлен маникюр – на джипах и других неведомых иномарках, при немаленьком кошельке и самомнении.

Краше, слаще, любее. Дороже.

(Погода страшная стоит. Я заболею или нет?)

Через десять минут сидит передо мною один из таких, русский иностранец. Говорит с разными акцентами – в зависимости от страны, о которой рассказывает. Объехал почти весь мир. Мы в очень приличном дорогом ресторане. Прислуга смотрит на меня с дикой ненавистью, значит, дела у меня в порядке. Я ем баранину и пью мартини Бьянко. Он ест греческий салат и пьет греческое вино...

Пью слишком много мартини, и продолжение вечера более чем тривиально – я напиваюсь. Приглашаю на танец певицу, пристаю к швейцару, говоря, что он «тааак похож на гения постмодернизма в литературе Владимира Сорокина...». Мой обалдевший и слишком трезвый кавалер мне больше не интересен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.